

ПРОБЛЕМЫ ИДЕНТИЧНОСТИ

- Парадоксы персональной идентичности: современный контекст
- Конструктивистская концептуализация социальных идентичностей: теоретический вклад З. Баумана
- Туризм как форма глобализации и его влияние на формирование идентичности

УДК 130.2:159.923.2»20»

Парадоксы персональной идентичности: современный контекст

О. Б. Синькевич, кандидат философских наук, доцент*

Сущность современного понимания персональной идентичности состоит в признании присущей ей парадоксальности, которая проявляется в ряде дихотомических характеристик. Анализ этих характеристик позволяет раскрыть те изменения в самоидентификации, которые происходят под влиянием массовой культуры и приводят к формированию «одномерного человека». Осознание необходимости преодоления негативных аспектов ложной персональной идентичности нашло отражение в понятии рефлексивного проекта, сущность которого состоит в том, что индивид должен сознательно и ответственно конструировать свою идентичность на основе общечеловеческих гуманистических ценностей.

Ключевые слова: персональная идентичность; идентификация; массовая культура; дихотомия; модусы персональной идентичности.

Paradoxes of Personal Identity: Contemporary Context

O. B. Sinkevych, PhD in Philosophy, Associate Professor

The essence of the modern understanding of personal identity is to recognize its inherent paradox, which is evident in the number of dichotomous properties. Analysis of these characteristics allows to reveal the changes in identity, which occur under the influence of mass culture and lead to formation of «one-dimensional man». Awareness of the need to overcome the negative aspects of the false personal identity is reflected in the concept of reflexive project, the essence of which is that the individual must consciously and responsibly construct their identity based on universal humanistic values.

Keywords: personal identity; identification; mass culture; dichotomy; aspects of personal identity.

Современную эпоху характеризуют как время, когда проблема «Кто Я?» приобретает для человека особую остроту.

Вопрос о персональной идентичности, ее возможности, необходимости и путях формирования выделился в отдельную проблему лишь в XX в. Однако интерес с указанной проблеме демонстрирует вся история философии, начиная со времен античности. Роль духовно-нравственного мировоззрения человека, его сознательной самоактуализации и самосовершенствования служит определяющей темой в концепциях идентичности С. Кьеркегора, П. Рикера, М. Фуко, В. Библера, М. Бахтина, М. Хайдеггера. В постструктуралистском направлении (Ж. Деррида, Ж. Делез, Ф. Гваттари, Ж. Бодрийяр) акцентируют внимание на роли Другого и Иного для самоидентичности. Учение Э. Гуссерля о «жизненном мире» заложило основы социологической интерпретации иден-

тичности. Вызовы современной цивилизации и процессы, обусловившие кризис идентичности, анализируются в работах Х. Йонаса, К.-О. Апея, З. Баумана, Э. Левинаса, Ю. Хабермаса, В. Хёсле.

Среди ученых, внесших вклад в развитие концепции идентичности, следует выделить украинских исследователей Н. Яковенко, В. Ляха, В. Андрущенко, М. Степико, Н. Козловца, белорусских ученых Б. Залесского, Я. Яскевич, В. Акудовича, И. Бобкова, польских — Т. Палечного, М. Хиршович, И. Догоньску, М. Росиньску.

Тем не менее, несмотря на наличие значительного корпуса исследований, указанная проблема сохраняет свою актуальность. Ее значимость объясняется тем, что в современную эпоху идентичность утрачивает определенность и четкую конфигурацию, становится более сложной, претерпевает постоянные трансформации, возрождаются в новых ипостасях традиционные институты идентификации и появ-

* Доцент кафедры теории и истории культуры Львовского национального университета имени Ивана Франко.

ляются новые. В частности, таким новым фактором выступает массовая культура, которая стала доминирующей формой культурного бытия. Обретение персональной идентичности в условиях влияния многослойного и антиномного контекста на ее становление является одной из актуальных проблем социально-философского исследования.

Сущность современного понимания персональной идентичности можно пояснить, обращаясь к понятию апории (греч. *ἀπορία* — безысходность, безвыходное положение), которое в древнегреческой философии означало сложную для разрешения проблему, возникающую вследствие того, что в самом предмете или его объяснении заложено противоречие.

Одна из апорий восходит к греческому мифу, который пересказал Плутарх: корабль, на котором Тесей вернулся с Крита в Афины, в течение длительного времени сохранялся в древнем святилище. Во время ремонтов в нем постоянно заменяли доски, вследствие чего среди философов возникла дискуссия: это тот же корабль или уже другой? Человек подобен кораблю Тесея: ему — и его идентичности — присуща парадоксальность, сущность которой можно постичь, рассмотрев ряд ее дихотомичных характеристик.

Один из модусов персональной идентичности — целостность, в которой отражена целостность личности.

Согласно Э. Эриксону, цель развития личности — целостность, которая выражает себя в зрелой идентичности. Последняя представляет собой внутреннюю тождественность индивида: она обеспечивает согласованность множества Я-образов, каждый из которых соответствует определенному аспекту внешней реальности и внутренней индивидуальности человека. Зрелая идентичность — сбалансированная система Я, где все Я-образы взаимосвязаны и осознаются индивидом как принадлежащие ему и отражающие определенные аспекты его самосознания. Если культура неспособна обеспечить условия для формирования такой идентичности, целостность и полнота уступает место негативной идентичности, формируется деструктивное поведение, чувство неуверенности, тревоги и страха [1, с. 98].

Современная эпоха, которую нередко определяют как кризисную, — это время утраты целостности личности. Структура Я стала настолько сложной, человек примеряет на себя столько Я-образов, что сохранить их взаимосвязь в едином комплексе становится чрезвычайно трудно. Антиподом «целостной личности» стала «личность фрагментарная», т. е. такая, различные ипостаси которой входят в конфликт между собой.

Гениальным предчувствием рождения этого глобального диссонанса в человеческом универсуме стал портрет парижского торговца предметами искусства А. Воллара, созданный П. Пикассо около 1910 г. Удивляет необычный ракурс изображения: зритель видит не только лицо, но и затылок портретируемого. Вместе с тем «лицо» — это то, что художник увидел как бы в разбитом зеркале. Оно распадается на грани, и от этой «катастрофы распада» спаслись лишь нос, рот, деформированный подбородок, которые выступают на фоне разрозненных фрагментов.

Фрагментарность личности, которая приводит к ее внутренней дисгармонии, «экзистенциальной замкнутости», в значительной степени обусловлена массовой культурой. Присущая масскульту фрагментарность социального и «жизненного» пространства человека, «мозаичность» (А. Моль) оборачивается ложной идентификацией: человек отождествляет себя со своими потребностями, с набором социальных ролей, следствием чего является «соматизация» идентичности, «консюмеристский» стиль жизни [2, с. 24].

Своеобразным проявлением утраты целостности стала и присущая эпохе массовой культуры «одномерность». Массовый человек — это та «песчинка человечества», которая является «оппозицией истинному человеку», поскольку в нем отсутствуют вечность и глубина и присутствует лишь «чистое сейчас». Это — частичный человек, «человек-дефис» (человек-токарь, человек-банкир, человек-депутат), который настолько отождествляет себя с каким-либо аспектом своей «одномерности», что не является человеком в полном смысле этого слова [3, с. 203].

Модусами персональной идентичности выступают и отношения Я — Иной.

Одним из аспектов этих отношений является *alter ego* — «иное Я». Формирование идентичности требует внутреннего диалога, рефлексии, самоанализа. В процессе идентификации человек осознает себя субъектом мышления, переживания, и одновременно Я выступает как объект собственного восприятия, моделирования, самокоррекции. Такая двойственность необходима прежде всего потому, что именно благодаря ей достигается внутренняя согласованность личности. Пребывание одновременно в роли субъекта и объекта позволяет более тонко интерпретировать индивидуальный опыт, формировать более динамичскую Я-концепцию [4].

Массовая культура, как следует из ее образов и текстов, не создает необходимых условий для реализации указанного аспекта персональной идентичности, устраняя драматизм внутренней жизни

личности. Сложность и богатство внутреннего мира интерпретируются исключительно в модусах ощущений и эмоций, бессознательности и чувственности. Всякая иная личностная сложность — в аспектах интеллекта, знаний, рефлексии, ценностной мотивации — отвергается.

Э. Мунье, говоря о дихотомичности персональной идентификации, отмечал, что личность существует лишь в своем устремлении к Иному, познает себя через Иного и обретает себя в Ином. Первичный опыт личности — это опыт «иной» личности [5, с. 134].

Во взаимодействии с Иным Я обретает социальное признание и подтверждение своей идентичности. Иной принуждает человека оставить границы собственного бытия и тем самым открывает Я навстречу самому себе, расширяет его границы. Если Я не встретится с Иным, оно попадает в зависимость от самого себя, погружается в себя и тем самым обрекает себя на разрушение [6, с. 16].

Идентичность формируется через механизм идентификации с некоторым эталоном, или образцом, индивидуальным для каждого субъекта.

Таким эталоном, образцом в культуре традиционно выступал «экзистенциальный Другой» — личность, которая противостояла повседневной рутине, своей уникальностью задавала своеобразный ориентир для самосовершенствования индивида. Во все времена культура являла человеку тот идеальный образ, который противостоял «горизонтали» ее существования и открывал неизмеримую высоту «вертикали», служил ориентиром в поисках истинного Я, выступал мерилom истинно человеческого в человеке.

В современную эпоху потребность в идеале, образе, который позволил бы восстановить утраченную целостность, ощущается особенно остро.

Однако массовая культура демонстрирует характерную для современной эпохи «деконструкцию бинаризов», представляя в качестве «значимого Другого» не идеал, а идола [7]. Таким идолом становится образ, сливающийся с реальностью, который благодаря своей «обычности» становится объектом для психологических процессов проекции и отождествления. В течение десятилетий Мэрилин Монро, Элвис Пресли, «ливерпульская четверка», Мадонна и многие другие поп-идолы служили такими объектами. Их карьера, стиль жизни, манера поведения казались близкими, легкими для наследования. Благодаря своей «обычности» они не вызывают злобной зависти и классовой ненависти, их успехи воспринимаются как свои собственные — ведь еще совсем недавно они были такими, «как все» [8, с. 97].

Идентичность в модусе Я-Иной — та составляющая личности, которая включена во все разнообразие «внешних» отношений с другими людьми. В ходе этого процесса происходит «принятие роли»: индивид с помощью воображения ставит себя на место человека, с которым происходит общение и в котором он видит не только иного, отличного от него, но и уникальную личность.

Процесс самоидентификации предусматривает участие в определенном социальном порядке, идентификацию с определенным набором социальных ролей — моделей поведения, которые заданы социальной позицией личности в системе социальных институтов, общественных и личных отношений. Конструирование идентичности, как утверждает в своей социодраматической версии символического интеракционизма И. Гофман, можно рассматривать как воплощение шекспировской строфы «Весь мир театр, и люди в нем актеры». Жизнь философ уподобляет драматическому спектаклю, в котором актеры, выходя на сцену, выстраивают свою роль, реагируя на определенные сигналы. В театре такими сигналами служат подъем или опускание занавеса, изменение освещения или темпа музыкального сопровождения. В жизни же знаком, который сигнализирует о необходимости соотнесения себя с изменившейся «картиной мира», выступает социальный мониторинг: анализ конкретной ситуации, интерпретация поведения иных. В роли проявляется «ситуативное Я», а в череде ситуаций — стиль жизни как характеристика относительно устойчивых, повторяющихся характеристик индивида. Комплекс специфических ожиданий, которые используются для оценки социальной ситуации в определенные моменты, Гофман назвал фреймом (англ. *frame* — рамка; здесь — аналог кадра в кинематографе). Фрейм — это определенного рода целостность, в рамках которой люди осмысливают себя в мире, определяют для себя ситуацию, в которой действуют и которая структурирует их действия [9, с. 42—43].

В современную эпоху эта целостность становится проблематичной, поскольку спектр социальных ролей значительно расширился. Это становится вызовом самости, которая формируется в процессе социального взаимодействия (интеракции) и включает две составляющих: одна — это результат интернализации социальных ролей и ожиданий, другая — способность дистанцироваться от них [10].

И. Гофман считает, что для сохранения идентичности — и индивидуальности — человеку необходимо овладевать искусством устанавливать «ролевую дистанцию». Социальная (ролевая)

дистанция у Гофмана — это различие своих ролей и себя самого, которое позволяет разделить ролевую и личностную ипостаси, почувствовать, что личность — это нечто большее, чем задано ролью [11].

Подрыв основ Я является прямым результатом нынешнего разложения идентичностей и социальных ролей, которые некогда были четко определены. Как утверждает в своей книге «Машина, творящая богов» известный французский социолог С. Московичи, современная эпоха освободила человека от закрытости и однообразия, однако присущие ей открытость и разнообразие породили иную проблему — кризис идентичности. Все больше людей, стоя утром перед зеркалом, не уверены в том, кого же они в самом деле видят. Всего стало слишком много, все происходит слишком быстро, все стало непрочным, слишком много событий происходит одновременно. Человек перестал быть целостно мыслящим и глубоко чувствующим индивидом и превратился в совокупность не согласованных и не связанных между собой языков, которые пытаются выразить его фрагментированное Я. Мы имеем в своем распоряжении значительное количество потенциальных средств выражения нашего Я, ни одно из которых не является доминирующим, все равно «аутентичны», и перед лицом этих возможностей наше Я перестает быть каким бы то ни было Я. Современная культура «вымывает» индивида из привычных форм идентификации. Анализируя процесс личностного становления современного человека, можно увидеть, что его сознание становится «матричным», формируется под влиянием стереотипов, порожденных массовой культурой. Этот человек вливается в социальную галактику лишь для того, чтобы отбросить все свое особенное, сливаясь с «массой», утверждает С. Московичи [12, с. 441].

Одна из характеристик персональной идентичности — это ее существование в модусах постоянства и изменчивости.

Идентичность нередко определяют как чувство самотождественности, которое не прерывается во времени и не исчезает в различных социальных контекстах. Однако постоянство идентичности, внутреннее «равенство с собой», которое длится во времени, — это вместе с тем и непрерывность изменчивости. Именно об этой дихотомии личностной идентичности говорил Э. Эриксон, отмечая, что самотождественность означает также своего рода эластичность сущностно важных структур в процессе изменений [13, с. 135].

Постоянство идентичности не означает ее неизменности: это «живое единство», которое динамично развивается на протяжении всей жизни.

По отношению к человеку невозможно применить формулу тождественности, поскольку он постоянно пребывает в состоянии несовпадения с собой. Именно в точке несовпадения и возникает идентичность, истинное Я. Тождественность человека выступает неотъемлемым спутником его непрерывных изменений, преобразований, развития.

Противоречие между постоянством и изменчивостью на самом деле является воображаемым: человек по своей сущности — открытая система, которая постоянно развивается и самоорганизовывается, изменяется во взаимодействии с миром; она усложняется, переструктурируется, наращивает уровень своей системной организации. Подобно другим саморазвивающимся системам человек существует лишь до тех пор, пока может усложняться [14].

Современное динамично развивающееся общество постоянно ставит личность перед вызовами и требует от нее таких качеств, которые должны обеспечить ее эффективное существование. Это, в частности, открытость к инновациям, готовность принять плюрализм мнений, толерантность.

Присущая человеку инерция самоотождествления, стремление сохранить свою идентичность в реальности оказывается неосуществимым желанием: изменяется жизнь, изменяется окружающий мир, изменяется сам человек — и, естественно, он оказывается перед необходимостью создавать новый «образ себя», который будет соответствовать новой ситуации, новому мировидению и миропониманию, новому самосознанию и самочувствованию. Способность реагировать на происходящие в мире и в человеке изменения проявляется в умении переструктурирования компонентов идентичности, отбора тех новых элементов, которые будут интегрированы в ее структуру, реинтеграции тех, которые не соответствуют ее новому содержанию. Следовательно, персональная идентичность — это структура, которая содержит в себе противоположности, существующие не в противостоянии, а в отношениях комплементарности, взаимодополнения и пребывающие в постоянной трансформации [15, с. 161].

Нельзя не согласиться с мнением Э. Левинаса, который отмечал эту парадоксальность идентичности: «Я — это не то бытие, что всегда остается одним и тем же; я — это бытие, существование которого заключается в самоидентификации, в обретении своей идентичности при любых обстоятельствах. Я — по существу своему самоидентичность, исконный результат процесса самоидентификации. Я идентично себе даже в своих изменениях» [16, с. 76].

Таким образом, идентичность — это не состояние, структура или качество личности, а процесс саморазвития.

Этот процесс развивается не только в личном, но и в историческом плане: по мнению российского культурфилософа Г. Тульчинского, человек прошел путь от присущего мифологическому сознанию чувства «слитости» с природой до сформированного в Новое и Новейшее время осознания себя как автономной личности [17].

Современное понимание процессуального характера идентичности нашло отражение в понятии рефлексивного проекта. Рефлексивный проект — это конструирование идентичности, сущность которого состоит в том, что индивид должен выбрать свою идентичность из вариантов и стратегий, которые предлагаются «внешними» системами. В современную эпоху именно «разработка траектории Я» становится одним из главных заданий индивида. Как утверждает Э. Гидденс, Я — это рефлексивный проект, который конструируется самим индивидом: мы являемся тем, что мы сами из себя создаем. «Нормальная» самоидентичность базируется на «постоянно осуществляемом особом нарративе» собственного жизненного пути. Разрабатывая «дорожную карту» своей жизни, человек возвращается к своему прошлому и, интерпретируя прежний жизненный опыт, создает осмысленный образ «будущего Я» [18, с. 187—201].

Таким образом, проблема персональной идентичности — это проблема формирования человека как автономной, независимой, уникальной личности, которая обладает способностью осуществлять самостоятельные действия, проявляя свою свободную волю и чувство ответственности за все свершенное. Процесс конструирования персональной идентичности позволяет человеку постичь ценностные ориентиры своего бытия в динамической ситуации современности, презентовать себя как самоценную личность. Вместе с тем этот процесс, разворачиваясь в активном взаимодействии с иными, способствует построению общества на основе общечеловеческих гуманистических ценностей.

Список цитированных источников:

1. Пузько, В. И. Кризис идентичности личности в условиях глобализации / В. И. Пузько // *Философия и общество*. — 2007. — № 4. — С. 98—113.
2. Leszniewski, T. Tożsamość jednostki w zmieniającym się społeczeństwie / T. Leszniewski. — Toruń, 2008.
3. Бек, У. Общество риска. На пути к другому модерну / У. Бек. — М., 2000.
4. Сапогова, Е. Е. «Легенды о себе»: к проблеме интерпретации личностных мифологем взрослых в психологическом консультировании / Е. Е. Сапогова // *Психологическая служба*. — 2003. — № 2. — С. 88—102.
5. Мунье, Э. Персонализм / Э. Мунье // *Французская философия и эстетика XX века*. — М., 1995. — С. 105—215.
6. Блинова, О. А. Персональная идентичность в контексте отношения «Я-Другой» / О. А. Блинова: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.13 / О. А. Блинова; Уральский гос. пед. ун-т. — Челябинск, 2009. — 24 с.
7. Шапинская, Е. Н. Образ Другого в текстах культуры: политика репрезентации / Е. Н. Шапинская // *Знание. Понимание. Умение*. — 2009. — № 3. — С. 51—65.
8. Десятерик, Д. Мейнстрим / Д. Десятерик // *Альтернатив. культура: энцикл.* — Екатеринбург, 2005.
9. Гофман, И. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта / И. Гофман. — М., 2003.
10. Малахов, В. С. Неудобства с идентичностью / В. С. Малахов // *Вопр. философии*. — 1998. — № 2. — С. 45—53.
11. Гофман, И. Представление себя другим в повседневной жизни / И. Гофман. — М., 2000.
12. Московичи, С. Машина, творящая богов / С. Московичи. — М., 1998.
13. Эриксон, Э. Трагедия личности / Э. Эриксон. — М., 2008.
14. Ключко, В. Е. Личностная идентичность и проблема устойчивости человека в меняющемся мире: системно-антропологический ракурс / В. Е. Ключко, О. В. Лукьянов [Электронный ресурс]. — Режим доступа: sun.tsu.ru/mminfo/000063105/324/image/324-333.pdf. — Дата доступа: 15.05.2014.
15. Овчинникова, Ю. Г. Личностная идентичность: от философских истоков к психологической сущности / Ю. Г. Овчинникова, П. Б. Селюгина // *Психология: журн. Высш. шк. экономики*. — 2012. — Т. 9, № 1. — С. 153—161.
16. Левинас, Э. Избранное. Тотальность и Бесконечное / Э. Левинас. — М.: СПб., 2000.
17. Тульчинский, Г. Л. Феноменология имиджа и метафизика идентичности / Г. Л. Тульчинский // *Символы, образы, стереотипы: исторический и экзистенциальный опыт*. СПб., 2000. — С. 100—111.
18. Giddens, A. Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age / A. Giddens. — Stanford, 1991.

Дата поступления в редакцию: 20.05.2014 г.